Моск. новости.
Инсталляция
 1995. — 14 мая. — с 18.
 — поступок,
 а не искусство

ВЫСТАВКА

Есть своя магия в макете, муляже, в том, что именуется малопонятным словом «инсталляция» (от английского «installation» — сооружение). Натуральные вещи, предметы быта, детали жизни утрачивают свою функциональность, становятся средством создания художественного зрелища и наполняются таинственным смыслом.

У нас инсталляция относительно недавно обрела права гражданства на выставках и по сей день вызывает сомнения у ревнителей традиционных форм искусства. В самом деле, можно ли считать искусством «Двери дома 6/1 по Сретенскому бульвару» Ивана Николаева — подобранные на свалке подлинные двери разрушенного старого дома, лишь слегка «охудожествленные» плоско вырезанной и раскрашенной фигуркой «бомжа» да призрачной маской, подвешенной в дверном проеме? Но факт остается фактом: бродя по выставке московских художников-монументалистов, изобилующей добротным традиционным искусством, дольше всего задерживаешься перед «неискусством», вторгшимся туда, где по всем академическим нормам находиться ему не положено.

Разве место рядом с хорошим панно Андрея Васнецова, посвященным величию русской науки, с философским триптихом Ирины Лавровой («Смерть в пути», «Встреча», «Венчание и рождение») ее же, Ирины Лавровой, инсталляции: манекенам, занявшим центральное место в зале на Кузнецком, забравшимся на сцену, чтобы устроить на ней причудливый и нелепый хород? Куклы-тряпки, пугала огородные с растопыренными палками рук («Ничье старичье», «Вита нова») — маска нашей жизни, совсем не новой: ново лишь то, что эти куклы высветились, вышли на подмостки. Еще 10 лет назад и «бомжи», и нищие «старичье» как бы не существовали, прятались, изгонялись за 101-й километр. Теперь «Вита» кричит о себе в каждом подземном переходе — убогая, далекая, пустая, как рукава потрепанных кофт и пальто, распятых на крестах «Инсталляции» Лавровой.

Недолговечные, бездомные (в каких музеях найдется место этим манекенам?), они чем-то привлекают нас: и мишурная, нарочито «житчевая» то ли торговка, то ли дешевая проститутка в ослепительном блеске рваной полиэтиленовой пленки; и тяжко поникшая старая пара — повешенная на вешалку, брошенная на стул одежда, принявшая пугающие очертания фигур, и нищенка с настоящей сторублевкой в бумажных пальцах. Врезаются в память, стоят в глазах. «Картина просит зрителя: войди в меня; скульптура — обойди меня; а муляж угрожает зрителю: иду на тебя, — говорит Ирина Лаврова. — Современный художник занят всецело логикой формы и материала, самим процессом творчества. А когда он опоминается, одолевает свою профессиональную озабоченность, чувствует себя просто человеком, ему необходимо совершить поступок. Инсталляция не искусство, инсталляция — поступок».

Муляж взял на себя функцию прямого, каждому понятного рассказа о жизни; заговорил на языке улицы, вещевого рынка, городского дна. Мусор, утиль, старые тряпки, сбитая обувь — все пошло в ход на маскараде жизни; лики времени двинулись на зрителя, как некогда — не побоюсь сравнения — «пошли» на зрителя репинские бурлаки — тяжкий, песней зовущий стон вечно стенающей, вечно неустроенной и бездомной России.

Мария ЧЕГОДАЕВА